

РУССКИЙ ПАТРИОТ

3-е année
No 14 (27)
(NOUVELLE SERIE)

(LE PATRIOTE RUSSE)

Organe de l'Union des Patriotes Russes en France paru en clandestinité

4, rue de Galliera Paris 16.

— 27 JANVIER 1945 —

Prix 5 frs.

Tel: KLE 94-20, 21, 22

Подписка на газету
„Русский Патриот”

принимается ежедневно, кроме
суббот и воскресений, от 2 до 6 ч.

для Парижа и провинции
4, rue de Galliera (métro Alma-
Marceau).

номата № 3.

Тел.: KLE 94-20, 94-21, 94-22.

Танненберг

Мы слишком привыкли к победам.

Сталинград — это высшая точка напряжения. После Сталинграда все определилось. Мы еще продолжали волноваться, горячо переживая каждую удачу, но уверенность наша в конечном исходе войны уже окрепла, — вместе с чувством уверенности пришло и спокойствие. Не равнодушные, конечно, но спокойное сознание силы, а потом и превосходства над врагом.

Мы поняли, что государственный корабль построеночно и управляемся умелой рукой.

Постепенно мы стали даже нетерпеливыми.

Если какой-нибудь день не приносил оглушительной победы, захвата важного узла, освобождения какой-либо столицы, мы склонны были недоумевать:

Наступило, наконец, время, когда пораженных столиц на Восточном фронте не осталось.

Главное дело — очищение русской земли — завершено. Все осталось — казалось лишь полетом сны.

Но вот настал день, когда весь мир насторожился:

Взят Танненберг!

Что такое Танненберг? Крепость? Промышленный городишко? Важный стратегический пункт?

Сегодня не это занимает нас. Мы, русские, знаем и помним:

Танненберг — есть Танненберг.

Это имя, как и Цусима, обвеяно зловещей славой.

В последние годы Российской империи где доблесть, геройство и гибель не соединялись так, как при Танненберге и Цусиме. Это два поражения, которыми можно и должно гордиться; это две победы, от которых 10 сих пор сжимается русское сердце.

Это — сложное сочетание.

Народ вызвал себя и там и тут в полной

мере. Материя потерпела поражение, — дух отрекся от материи и держал небывалую победу.

При Цусиме японцы пели «Песнь героя» в честь обломков русского флота, построившего Танненберга «победителем». Людендорф посещает свою книгу русской армии.

Ныне, читая военную сводку о захвате Танненберга Красной Армии, мы невольно задумываемся. Старая печаль не омрачает нашей радости, но радость наша не похожа на восторг Сталинграда.

Мы estamosсы серые земли.

Прежде, чем выплеснуть из чаша истории всю горечь, накопившуюся в ней, мы торжественно поднимаем эту чашу на свет и внимательно созерцаем ее содержимое.

И мы видим: иссметри на всю доблесть русского народа, на геройство таких вождей, как Самсонов и Рожественский, Цусима и Танненберг — не только победы, но и позор.

Невольно возникает вопрос — кто виновник позора, отравившего эти славные дни, эти безупречные имена?

Нет такой русской совести, которая не нашла бы ответа. Нет такого незамутненного сознания, которое не сделало бы и дальнейшего ввода: революция в русской государственности срублено лишь то, что сгнило. Разрушено то, что мешало творчеству. Революция была и неизбежной, и необходимой. Она совершилась.

Теперь у нас новый Танненберг. Там появился плах Гинденбурга, его тень бежала перед смычками тех, чьи кости разбросаны вокруг его разрушенной гробницы.

Танненберг — не просто военная победа. Это новая страница русской истории. Мозглистые руки перевернули ее, и весь мир с напряженным вниманием следит за нею.

В отечественных испытаниях возродилась великая страна; нет счастья больше, нет гордости выше, чем быть ее сыном.

Воскресшая Польша

Под натиском Красной Армии, превосходящим все, доселе виденное, германские войска бросают один за другим города чисто-польские, никогда ранее Германия не принадлежавшие, — но аннексированные Гитлером в 1939-м году, — аннексированные прямо и непосредственно. «Варшавское генерал-губернаторство» как-никак призналось пока что территорий этнических польских; вся же северо-западная половина коренной Польши, вплоть до Плоцка, до Лодзи (перекрещенной в Лишманштадт — в честь первого нацистского председателя рейхстага), и почти до самых пригородов Варшавы, была просто объявлена немецкой землей, «неотделимой частью германского рейха», и вместе с Данцигом и коридором образовала новую провинцию (Рейхстаг) — Данцигско-Западно-прусскую.

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

В самом начале войны, Гитлер назначил 10-летний срок для полного очищения «Западной Пруссии», и его подручные приились за выполнение выше начертанного плана. Их методы как нельзя ярче иллюстрируют то, что мы недавно говорили в «Русском Патриоте»: самые кровавые эпизоды русско-польской борьбы прошлых веков не идут ни в какое сравнение с немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

В самом начале войны, Гитлер назначил 10-летний срок для полного очищения «Западной Пруссии», и его подручные приились за выполнение выше начертанного плана. Их методы как нельзя ярче иллюстрируют то, что мы недавно говорили в «Русском Патриоте»: самые кровавые эпизоды русско-польской борьбы прошлых веков не идут ни в какое сравнение с немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток: сперва польский, затем русский).

Шила в мешке не утишь: в большинстве этих районов населения было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз «сожалением» отмечала этот факт. Но в свой ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь искоренить это польское население и заменить его немецким (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ЗАРЯ С ВОСТОКА

Внимание всего мира приковано к грандиозным победам Красной Армии. В русской монди поразительна не только широта возможностей, которыми она расширяет еще и теперь, после трех с половины лет ожесточенной борьбы: изразительна ее тайна», — пишет в «Фигаро» Владимир д'Ормессон. — «До самого дня, когда началось это новое наступление, никто из приготовлений к нему не просочился во внешний мир. А видит Бог, какого масштаба были эти приготовления! Напротив, восточный фронт казался недвижимым еще на многие месяцы. Это спокойствие обманывало усталость после летней кампании, отдаленность баз... Тайна собиралась так исправно, приказ о молчании выполнены так точно, что среди этой тишины никто не подозревал надвигавшегося самого сокрушительного удара всей этой войны... Тут легче всего измерить все различие между советским строем и союзными демократиями. Ибо эти последние болтыми по существу. А советский строй непроницаем и нем».

Русские штыки несут «освобождение западного славянства». Об этом пишет Марсель Фурье в «La France et le Comba»: «Следует отметить, что русское влияние на чехов и сербов сказывалось, прежде всего, с общностью происхождения. Русские берут на себя защиту права народов на самоопределение; они дают пример великого федеративного государства, в которой представлены самые разнообразные национальности и религии. Вполне естественно, что малые государства, постепенно раздираемые внутренней борьбой, постоянно угрожающие извне, обращают свои взоры к Советскому Союзу, который вместе с их внутренним спокойствием обеспечивает и спокойствие их границ, необходимое условие их национального существования.

«И если Россия хочет раз навсегда решить польский вопрос для блага самого

польского народа, решить его единственным возможным способом и путем прямого соглашения с самим польским народом, то не служит ли это обеспечению мира в Средней Европе?

«Конечно, влияние Советского Союза на все страны европейского Востока после войны будет решающим... СССР находится ныне в ряду величайших европейских держав, он является даже без сомнения величайшей и самой могущественной из них».

След за почты целиком освобожденной Польши приближается через Чехословакии, «Le Monde» отмечает что:

«По счастью Чехословакия не угрожает столь серьезные внутренние раздоры, как те, которые проявились в Польше, Греции, Югославии. Бенеш из Лондона всегда оставался в контакте с Москвой. 18 июня 1941 года Чехословакская Республика подписала с СССР соглашение о совместной борьбе с Германией, а 12 декабря 1943 года обе стороны заключили в Москве новое соглашение, связывающее их на 20 лет дружбой и сотрудничеством после войны, а также обязательством взаимной помощи.

«Бенешу приписывается намерение в ближайшем будущем посетить Москву и оттуда направиться в освобожденную часть чехословацкой территории... Но эта освобожденная часть — отдаленная, бедная, разоренная войной. Кроме того, украинские элементы, весьма активные в Подкарпатской Руси, как будто бы добиваются присоединения этой провинции к Советской Украине. Не следует также расчитывать, чтобы пять лет нацистской власти не оставили глубоких следов в Словакии... Необходимо, чтобы чехословакские патриоты проявили немало дальновидности и широты мысли для того, чтобы их страна быстро восстановила свое равенство и свою мощь».

ПО СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

Народ на войне

Все было тщательно подготовлено. Уже в 1939 году германский штаб печатал и карты Западной, и татарские сказавши для склонников, и приказы о задержании заложников. Рур не сводил глаз с Никополем; мюнхенские пивовары размножали, как использовать Башкирию для культуры ячменя; берлинские архитекторы строили макеты сибирских ферм.

Не сразу поняли многие, что именно произошло в ту короткую летнюю ночь. Немцы, будучи несмелыми и осторожными, росли для завоеваний; наше народ, горячий и отчаянный, метал о братстве.

Была доверчивость, была и беззаботность. Недоверчивость, девушка спрашивала: «Неужели мы в Смоленске?». Командиры не сразу разобрались в немецкой тактике. Бойцы не сразу разгадали тайну «кукушек». Бывало, несолько прорвавшихся даков или тридцать автомотчиков вились позади немцами. Мы теперь достаточно сильны, чтобы выносят на бывших слабостях. Было и в первые дни вдохновение героизма; были и в первые дни умные, зоркие командиры; и стала требоваться сила.

Длинный путь прошла наша армия. Когда немцы напали на нас, мы были большим и сильным государством; у нас была большая и сильная армия; но чего то нам не хватало. Задумь? Опять? Душеподобная злость? Да войны мы пели о том, как широка наша страна: мы вдохновлялись ее размозами. И вот пришел час, когда герой сказал: «Великая Россия, я отступаю некуда — позади Москва». Чувство нашло свою форму. Та Россия, которая, казалась не умевшая на гигантской карте, сказала, уместила в сердце каждого. Народ-пахарь, народ-строитель, народ-певец, стал народом-воином.

Чудо не в смелости: издавна русский человек любил опасность. Это выразил Пушкин: «Есть успение в бою, и бездна мрачной на краю». Об этом говорится в народных пословицах: «Смелость города берет», «Лучше умирать в поле, чем в бальном по доле», «Не стерпела душа — на просторе пошла», «Хоть надвое разорваться, да волка не достаться». Это подтверждает и русская история, изобилующая военными подвигами. Однако, чтобы разбить германскую армию, мало было смелости, нужно было мастерство, высокое искусство. Им овладела Красная Армия.

Война не была той стихией, которую предпочитал народный гений России. Были у нас полководцы, известные всему миру. Были замечательные солдаты, даже в самые темные времена нашей истории показавшие талантливость народа. Были смелые походы и героические штурмы. Но не случайно смелый народ народом миролюбивым. Конечно, русские солдаты хорошо штурмовали города противника; но наша смелость штурмовала тот «град справедливости», о котором испокон веков тосковал русский народ. Наша смелость — это Радзинь, это Петр — не только у Полтавы — с

другим, когда генерал Пухов форсировал Днепр, не дожидался понтона; генерал фон Клютце искренно взмущен тем, что артиллерия генерала Говорова пробила «линию Зигфрида»; генерал Маништейн негодует — его бьет молодой генерал Черняховский, бьет наследор немецким уставам.

Наши командиры — бойцы знают, что быть немцем не легко. Сопротивление матерей побуждает искусство мастеров. Трудно быть немцем, но Красная Армия их бьет. Отныне у них знаменитые «клещи», а любитель немецких генералов — «клещи» попадут на нашу кухню; в этом котле только что выкипели десять германских дивизий.

Образ нашего главнокомандующего как бы определяет характер Красной Армии. Я читал много статей иностранных специалистов о военном гении Ставки. Все понимают, сколько нужно было душевной силы, зоркости, выдержки, умения, чтобы подготовить наше континентальное наступление в декабре 1941 года. Ставка дал бой немцам тогда и

кончиле.

Петра Петровича ЮРЕНЕВА

последовавший 19-го января. Погребение состоялось в С.-Петербурге. Панихида будет отслужена в Александро-Невском Соборе в воскресенье, 28-го января, после литургии.

Жена, дочь и друзья с глубокой скорбью извещают о кончине лейтенанта флота

Сергия Александровича БРУТА

последовавший 21 сего января. Панихида по усопшему будет совершена на руле Даро в понед. 29 янв. в 6 ч. 30 м. вечера

Р. И. и Н. Л. Гофман извещают родных и друзей о том, что по случаю годовщины со дня смерти

Нины Аркадьевны ГОФМАН

в день ее ангела 27-го января состоится в церкви на 6, где Ребя, в 9 ч. утра, заупокойная литургия и в 17 ч. 30 м. панихида.

П. И. и Н. Л. Гофман извещают родных и друзей о том, что по случаю годовщины со дня смерти

Нины Аркадьевны ГОФМАН

в день ее ангела 27-го января состоится в церкви на 6, где Ребя, в 9 ч. утра, заупокойная литургия и в 17 ч. 30 м. панихида.

Таковой задачей по нашему мнению может и должна быть лишь вторая задача. О ней превосходно сказал уже в одном из предыдущих номеров нашей газеты С. Оболенский. Это есть русское дело не у себя дома, а здесь, за границей. Вот тут русскому патриоту из эмиграции и книга в руки. Кто может быть лучшим проводником русского культурного, влияния — за границей, как не эмигрант — патриот, всеми своими корнями ушедший и вросший в местную жизнь, знайший местный язык, обычай, привычки, славные струнки, потребности и вкусы тех кругов местного общества, где он принят, где он вращается.

И, наконец, третья задача Союза есть задача боевая — любителей для этого среди эмиграции найдется достаточно, ибо для нее это привычное дело. Непримиримая часть эмиграции, которую мы склонны считать не патриотичной за то, что она радуется успехам врагов нашей Родины, всегда может оказаться соблазном этих врагов для использования ее в своих интересах. Как и раньше, они попытаются сделать ее кривым зеркалом России для фальсификации общественного мнения о России везде, где только возможно. Дело русских патриотов — выбрать это оружие из рук врагов нашей Родины. Союз Русских Патриотов должен использовать все свои культурные силы, чтобы если не воспользоваться, то обуздать непримиримых и обезвредить.

Такова наша деловая программа. Мы не должны отчаяваться, мы должны помнить, что цель плеяды высоких и светлых русских людей, проводивших долгие и долгие годы затраченной, делали большое русское патриотическое дело вдали от Родины на чужой земле, оставаясь пламенными патриотами зарубежом.

М. Артемьев.

Мертвая совесть

Слова пушкинской поэзии перестают быть частями речи. Говоря о «магии слов», обычно не говорят ничего. Отмечают лишь, что в словах есть некая тайна, т. е. нечто, что не определяется разумом. К столь странному, ничего не определяющему определению можно было бы кое-что добавить, но сегодня не это занимает нас.

Это — лишь далекое вступление к теме, не связанной ни с позицией, ни с наукой или философией. Но связанной с вещью немаловажной: с понятием человеческого достоинства.

Человеческое достоинство — не только чувство или сознание, но и слово. Слово же не только отражает, но и творит.

Пушкин не только признает человеческое достоинство, не только утверждает его за собой и другими, но и творит его для других, когда говорит:

В борьбы надцкий — невредим;
Брагов мы в праке не топтали;
Мы не напомнили ныне им
Того, что старые скрипали
Хранят в преданиях немых;
Они народной Немезиды
Не узят гневного лица,
И не услышат песни обиды
Ог лири русского певца.

Пушкин — гений; это значит, что Пушкин есть наиболее полное выражение своего народа.

Это русский народ говорит его устами. Не забывение, не слабость памяти, но достоинство всего народа нашло свою поэтическую формулу.

Мы не напомним, хотя, конечно, все помним.

Каково значение этой формулы для нынешнего дня?

Подготавляемые ледяными ветрами, опережая эти ветры, русские люди в солдатских шинелях отмывают огромные пространства, и чужой, не очень понятливый мир с тревогой следит за их полетом.

Что несут с собой эти таинственные люди, исповедывающие новую веру?

Какое насилие или потрясение? Какую бурю или разрушение?

Не жадность ли к новым пространствам гонит этот сумасшедший народ, раскинувшийся на шестой части земли? Не тесно ли уж им в их стенах, в их морозной тундре, в их дремучих лесах, где перекликуются дивные дивы?

Словом, — не есть ли это «тот самый советский имперализм»?

Стоит призадуматься над этим звучанием:

Советский имперализм.

Всего лишь два слова, — но весят от них скучной смертной, — не потому ли, что дух оставил их, — одна лишь словесная шелуха, оскорбляющая слух своим убожеством?

В них — не благодарность, не восторг грядущего освобождения, но страх, страх страха.

Как мало в этом человеческого достоинства...

**

Как мало достоинства в статье одного русского мыслителя-профессионала (как называть его иначе?), помещенной в эмигрантском журнале в Америке: Европе угрожает «кнутово-монгольская империя», т. е. его бывшая родина, Россия. Статья эта известна в Париже лишь по краткой выдержке в газете; это недостаточно, чтобы дать полный образ «мыслителя», но достаточно, чтобы оценить его изречение.

Мертвая совесть нашептала эта слова: убийство человеческое достоинство позволило огласить их. Дух живой отлетел и от слов и от человека, сказавшего их. У мертвой совести нет ни восторга, ни содрогания, есть лишь глумление над восторгом и страданием народа, некогда бывшего его народом.

Это — не выстраданные, но нарочито придуманные слова, — это — нарочитая

хлесткость выражения, недостойная хотя бы в силу своей хлесткости.

Человеку свойственно переживать обиду, но обида — лишь первый дорожный камень на длинном пути, ведущем к подлинному страданию.

В немецкой тюрьме, где было много смертников (почти все были убиты), солдат, выгнаняя заключенных на прогулку, требовал быстроты. Но было там много больных, израненных, наполовину замученных, — они выходили из барака с усилием.

Тогда тюремщик вооружился палкой от метлы. Он бил ею всех, не разбирая, больных и здоровых. Здоровые бежали, больные ковыляли и падали, солдаты — смеялись.

Вечером мы говорили, что есть мера оскорблений, что есть столь страшная ступень, когда человеческое достоинство уже не уничтожается, но возвышается. Они были благодарны за эти слова, потому что мера их страданий была невыносима, и потому

они не умели смеяться.

Труп — нем и глух.

Не для трупа сказано:

«Отгненное искушение, для испытания вам посыпаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного».

Валериус.

Наши конкретные задачи

Уже писалось на этих страницах, что мы есть равным образом русское дело; все то, что собираемся присваивать себе, какого либо патриота на патриотизм. Что патриотизм есть любовь к родине, это — прописанная истинка. И мы знаем, что любовь эта присуща всем русским людям, и, в особенности, тем, кто чувствует и сознает себя русским. Но качество этой любви проверяется делом и поведением. Именно дело утверждает наш патриотизм, характеризует его свойство и правственную высоту.

Вот почему мы говорим, что цель нашего Союза, объединившего нас в единую русскую семью, есть творчество русского дела здесь, во Франции.

Не будем искать каких либо политических критериев русского дела, чтобы заклеймить патриотизм жеребковщины, или чтобы усомниться в патриотизме непримиримых, для которых Россия есть лишь Россия прошлого или Россия отвлеченного политического идеала. Такими политическими критериями мы не достигнем братского единения, а, наоборот, сами пересоримся или забудемся в спорах об истинном понимании русского дела.

Скажем кратко: все то, что приносит реальную и конкретную пользу нашей сей родине, есть русское дело; все то, что подымает престиж нашей родины в глазах иностранцев

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Дорога к Пушкину

За тысячу километров отсюда, в мертвом молчании северной зимы, покоятся под глубоким снегом оскверненные останки Пушкинского уголка Петровской губернии...

Срублены под корень обе вековые аллеи Михайловского, весь его парк; на месте дома никоим образом торчит бетонная немецкая тумба — выразительный символ тупого и злобного бездуния этого народа! — уничтожено Тригорское, а в Святых Горах от древних обзоров монастыри оставлены только груды камней, и самая могила поэта неизвестна — грубо — кощунственного гумиления: она была минирована.

В глазах иностранцев это «сце одно преступление», а для русского сердца — незаслуживаемый ужас. Кажется, что второй раз застрелен Пушкин:

Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнет пистолет.

Юный Лермонтов с болью и гневом кричал в своих стихах:

Смейся, он дерзко презирая
Земли чужой закон и нравы,
Не мог понять он нашей славы,
На что он руку подымал.

Но эти с плоскими затылками и вздыхающими глазами, привыкшие старательно и педантично штудировать не только всякий кусок на земле, но и всякое выдающееся явление в культурной жизни других народов — эти были хорошо осведомлены о том, что такое Пушкин. И если их автоматически работающий мозг не был способен почувствовать ценности Пушкина, то во всяком случае они знали ему цену, как купец-антрепитер знает по каталогам цену дорогих картин.

И именно, именно, определив цену, они и решили стереть с лица русской земли вскакую вещественную память о Пушкине, превратить в пустыню тот драгоценнейший уголок, где все обожно было его гением, искрило печать его творчества и в этом творчестве отразилось.

Обнажить Русскую землю от всего ее культурного прошлого, снять с нее скалы (как когда то индейцы снимали скалы с вражеских голов) так, чтобы торчали только один костик головы окровавленного черепа — такова была цель этих «защитников европейской культуры».

Видится мне через далекое пространство замерзшая Сороть и застывшее подо льдом озеро, а снежные сугробы на их берегах и на крутом скате перед исчезнувшей усадьбой представляются белым погребальным покровом... Отсталы «прахи», а как прекрасны и живописны были эти места.

Вспоминаю юношеские мои туры. В первый раз в 1911 году в августе. От Пскова до Острова по железной дороге; от Острова до почтовой станции Новгородки на неуклонно склонявшим автобусе, оглушительно громко скрипучим автобусом, на неуклонно склонявшим автобусом, на неуклонно склонявшим автобусом... Отсталы «прахи», а как прекрасны и живописны были эти места.

От Новгородки начинался уже совсем другой мир и даже другая эпоха. Почтовая станция эта, стоявшая на Варшавском «тракте», производила впечатление нетривиального памятника старого николаевского времени. У станционного смотрителя надо

ОТРЫВОК

было спрашивать лошадей и, дожидаясь, когда их подадут, сидеть в стационарном «зале» с громоздким кожаным диваном перед березовым столом, с обязательной «желобной книгой» на конторке... Окна, с не выставленными двойными рамами, запылены, засажены мухами; муха блеет о стекло и заунывно жужжит в тишине. А тишина дремотна. Только слышно, как покачиваетя с стены старый седовласый смотритель, похожий на отставного николаевского солдата, да где то гремят ведрами...

А вот они и «казенные объявления» на стенах, настонная достопримечательность. Смотрю на них, прочитываю и удивляюсь, что их не додались поместить в Пушкинский музей — ведь они того времени и, верно, висели здесь еще, когда тут проезжал поэт.

Потемневшая, толстая, голубоватая бумага с двуглавым орлом николаевского образца и на нее расписане, указывающее «с какой скоростью возить надлежит» фельдшерей и единиц «по казенной надобности» и по своей. Расписание под стеклом в станичной рамке из карельской березы. В той же рамке и меню, где в числе листов, когда то готвившихся на станичной кухне, на первом месте пожалевшими чернилами каллиграфически выведенны: «пти супочкы».

Издать приходится недолго (других пресижки нет): гремят железные шины по камням и щебню на станичном домика — лошади поданы.

Парная телека, крепко окованная, с жестким кожаным сиденьем, с таким же обручом. Не на таких ли ездили «по казенной надобности» и во времена Пушкина. Не на такой ли мчал его самого в Москву к императору Николаю I специальный фельдшер, когда испуганная няня, по словам поэта, «...70-ти лет выучила, напасть новую молитву о умилении серда владыки и укрощении духа его свирепости, молитву, пропущенную братья, он успел выслушать до конца трибуна, который начальствовал кортой в Антонии и начальника соглашалася».

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидалась таракан, справлялся о здоровье патронов и т. д.

Но Пушкин слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и

БЕЛАЯ И АЛАЯ РОЗА

В прежние годы в хронике эмигрантских газет появлялись времена от времени заметки, в которых сообщалось, что такого-то числа, в таком-то помещении состоится банкет или таванский ужин по поводу какого-нибудь белого похода или добровольческой годовщины. Произошли соответствующие тосты и говорились подходящие слушаю речи. Но, в конце концов, все это было довольно безобидно. Ведь все это служило, главным образом, не только поводом выпить пухлую водку в своей компании, но и вспомнить те годы, когда люди были не шофферами и малярами, а командовали эскадрами и лодками. А вместе с тем вспомнили многое другое, свою молодость, когда ветер был в голове, — эти двадцать или двадцать пять лет, морозный румянец, какое-нибудь раннее утро, снег, теплую хату и личину из десяти яиц. Или нахуниченные росистые поля, горечь полинии, острый запах конского пота, посыпанный седла, разговор с белозубой изслепой у классического колодца с журавлем, как в старинном сердце-цветном романе, и сражения, в которых учащенно бились сердца.

Однажды белые захватили какую-то станцию, на которой оказались не разорванным телефонный провод с красноармейским полком. Немедленно произошел не очень звонкий разговор. Но говорили и в сердечных вещах. Красный командир спросил:

— За что вы взываете?

— Мы воюем за Россию, — сказали на станции.

— Нет, это мы воюем за Россию, — по-следовал ответ.

Все было, конечно, не так просто, как казалось этим молодым офицерам. Советский командир был прав, когда утверждал, что он воевал за Россию, или вернее за ее тяжелую славу бытьпереди других народов в трагических процессах мировой истории, за ее воля взять на свои рамена возможно большее бремя страданий, за ее великую судьбу, с которой переплелись судьбы украинцев или кавказцев, татар или марий.

Однако, все это в прошлом. Чем осталось теперь от Брест-Литовского мира? Это-то видел дальше и лучше, чем молодые зоркие, не пренебрежительные глаза пропагандистов. Государственные границы разумно восстановлены. Целые республики добровольно присоединяются к Союзу. Это не фарисейство. Добровольно и на вечные времена, хотя это, может быть, и не правится людям, ставшим президентами или поселившимся в маленьких посольских особнячках Парижа и Берлина. Наконец, тот длительный и трудный процесс сбираания земель трехглавого русского племени, который не удавался царям, благополучно завершается советским правительством. Что еще? Советская государственность отделилась от III Интернационала. Могло бы при таких условиях возникнуть белое движение? Конечно, не могло бы.

Ведь никто никогда из участников белого движения не говорил, что воюет с советской властью за воссоздание старого режима или возвращение национализированной собственности, своих имен и привилегий. Во-первых, потому, что в рядах белых армий было много разочарованной бедности, а, во-вторых, потому, что и даже представители помешавшего класса как-то легко примирялись с утратой имущества. Всю жизнь была юнкером и казалась замечательной без этих скучных усадеб, ничего не приносивших, кроме забот и хлопот.

Все было просто и ясно и прикрывалось приказом обозначенного командира. Люди не задумывались о том, что будет завтра. Ударные полки, корниловцы и марковцы, спирбские члены или псковские талабы, бесстрашно или в атаку, Броневоз «Лев Калита» был из своих тяжелых орудий по ним в чём неподниной деревне. Марковские офицеры, как в фильме «Чапаев», с винтовками «на ремень», с папиресами в зубах,

Протест белорусских патриотов

Резолюция, принятая на общем собрании белорусских патриотов, в присутствии 360-ти представителей, 18 декабря 1944 года, в Либеркуре (Па-де-Кале).

— Уже некоторое время на страницах европейской эмигрантской печати дебатируется «проблема восточных границ Польши».

Хотя польское народное правительство в Люблине приняло предложение правительства СССР, согласившись на установление границ между Польшей и Белорусской ССР на основе линии Керзона, и, несомненно, что линия эта не только не отрезает от Польши действительно польских земель, а наоборот, дает полякам некоторую компенсацию, — польские шовинистически-фашистские эмигранты в Лондоне, с выражением «обиды» на лице и с неутомимой энергией продолжают вести пропаганду, с целью вызвать себе сочувствие в расисте национальном мире, в расисте на неинформированность в этом вопросе.

Поэтому, белорусская трудовая эмиграция во Франции, объединенная в Союзе Белорусских Патриотов, как эмиграция из вышеназванных земель, как жертва польского политического и экономического террора, заявляет всему миру против против насилийских намерений захватить опять белорусские земли, вновь поделить белорусский народ, с целью его позднейшей ассимиляции.

Мы верим, что весь цивилизованный мир, в конце концов, поймет и признает правду, прислушавшись более внимательно к голосу справедливости.

Голос польского правительства в Лондоне — голос не сдавшегося польского фашизму, голос захватчиков чужих земель.

Голос наш, голос белорусского народа, это — голос, требующий признания общечеловеческих прав, гарантированных великими принципами демократии.

Белорусские земли не могут служить резервом для удовлетворения аппетитов разных фашистов-империалистов!

Председатель Союза Белорусских Патриотов во Франции: Казимир.

СОЮЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВО ФРАНЦИИ

Объединение русских писателей во Франции обратилось в Союз французских писателей с выражением соболезнования по поводу смерти Романа Роллана и присоединилось к предложению о перенесении его праха в Пантеон.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКОГО ЮНОШЕСТВА

В воскресенье, 28 января, в 15 час., в помещении: 40, rue Sén-Dizier, Париж (16), устраивается открытое собрание Объединения русского юношества. В. Корвин-Пиотровский прочтет доклад на тему: «Молодежь в СССР и в эмиграции».

3. Земли эти, присоединенные насилием, против воли белорусского народа, в 1921 году, ставшие административной частью Польши первый раз в их истории, явились очагом протеста белорусского народа, который польские правительства подавляли ужаснейшим террором, установив неопределенное военное положение в этих землях, чтобы не допустить отречения их от Польши и природного их стремления к слиянию с остальными этнографическими землями Белоруссии по другую сторону границы «Польши».

4. Из вышеназванных четырех воеводств, воспользовавшихся сложившейся политической обстановкой, сложившейся 28 октября 1939 года в Белостоке 598 депутатов и единогласно и торжественно постановили провозгласить разрыв связи с польским государством и присоединение к Белорусской ССР, чтобы, таким образом, положить ко-

были, конечно, отдельные случаи, когда ярко выражался классовый характер белой борьбы. Происходили дикие расправы в соседних с разоренными дворянскими гнездами деревнях. Однако, это было не самое характерное в белом движении.

И теперь, когда для борьбы с советской властью отныне все предрасположены патриотического характера, что же осталось от «белой мечты»? Не лучше ли забыть обо всем этом, как о неприятном сне или тифозном кошмаре?

Но, оказывается, годовщины еще вспоминают. Без банков, за чайным столом, но не без политических высказываний. Например, по поводу одной белой годовщины пущена по Парижу та анонимная листовка, о которой была замечена в прошлом номере нашей газеты.

В задачи настоящей статьи не входит полемика с авторами этого документа, выпущенного в те самые дни, когда советская армия истекает кровью. Хотя попутно можно было бы спросить: а разве не в Советской России уничтожена власть капитала? Разве не подразумевают другие государства этиатическую советскому хозяйству? И еще два слова о поводу «самодельности», по которой тоскуют листовка. Самодельность очень хороша вещь, когда за нею не скрываются намерение отобрать от народа те блага, которые дала ему революция.

Можно было бы еще кое-что привести к этому. Но с людьми, которые желают, как и мы, победы родине, не хочется говорить в запальчивости и разражении. Незволительно думать, что люди не имели мужества продумать все до конца. А между тем, война еще не кончена...

Подумали ли авторы явно фашистской листовки, собравшиеся за чайным столом, (а все они могут уместиться за одним столом), на чью мельницу эта вода? На немецкую мельницу. И это самое печальное в истории с листовкой.

Но главное, может быть, в самом деле пора уже забыть о походах и годовщинах? Что в сравнении с нынешней войной бои под Каюковкой? Что в тысячелетней истории России два-три года междуусобицы? Настаиваем времена, и гражданская война будет на страницах гимназического учебника такой же отваженной и туманной, как война Белой и Алой розы. От нее ничего нестанет, кроме мемориев.

Когда-нибудь, и, может быть, очень скоро, настанет час торжества и окончательной победы не только над врагами, но и над теми огромными проблемами, которые выдвинула революция. Как после полтавской виктории победители поднимут задранные чашки за учителей. Советские люди любят учиться. Они будут пить за Суворова и за Клаузенца. Но в какой-то степени были учителями Красной Армии и эти профессионы науки военного дела, корниловцы и марковцы. Их оружие история напоминает революции о грозящей со всех сторон опасности. В гражданской войне народ научился воевать. Это был первый залак советской стали. Об этом при случае вспомнят беспрестрастный историк. Остальное — война Белой и Алой розы. В школьном учебнике.

А. Л.-ский.

Хроника Союза Р. П.

ПРИЕМ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТИ

23 января, в помещении Союза, состоялся торжественный прием парижской прессы в основном посвященный выставке картин известных художников, пожертвовавших свои произведения в пользу бывших советских военнопленных. Союз был представлен председателем правления, А. Г. Говоровым, ген. секретарем И. П. Ясинским, казначеем Союза Л. А. Савинским, председателем Комитета помощи бывшим военнопленным Г. З. Шибановым, членом комитета Н. М. Ершашвили, зав. художественной секцией Л. С. Ходосевичем; редакция «Русского Патриота» была представлена С. С. Оболенским. После краткого вступительного слова генерального секретаря Союза, С. С. Оболенским вкратце ознакомили гостей с нашими задачами, в связи с историческими событиями последних лет, подчеркнув при этом, как основную цель, служение нашей родине, в меру наших сил и возможностей, а также содействие полному взаимопониманию между нею и ее западными друзьями; одной из практических задач является помочь бывшим советским военнопленным, разбросанным по лагерям, и в силу общих тяжелых условий жизни во Франции, затруднений транспорта и т. д., все еще находящимся в тяжелых условиях Г. З. Шибанов и Л. С. Ходосевич рассказали о подготовке выставки о трудностях, которые пришлось преодолеть; выставка будет торжественно открыта в конце будущей недели, под высоким покровительством ген. Кенига, ген. Драгуна и других видных французских деятелей.

Представители французской печати всех направлений выразили полное сочувствие этому начинанию, как и общим стремлениям Союза. Тосты за Генерала де Голля, за маршала Сталина и за Генерала Армии подчеркнули единодушие всех присутствовавших, еще более выявившееся в последовавшей дружеской беседе.

ОТДЕЛ ЛЕКЦИЙ И КУРСОВ

В среду, 31 января, в помещении Союза, состоится лекция Н. Г. Захарова на тему: «Государственное и экономическое значение колхозов».

2-го февраля — доклад на русском языке лейтенанта-полковника французской армии Б. Б. Бродского: «Жизнь в концентрационных и штрафных лагерях Германии».

По понедельникам — собеседования для членов Союза и кандидатов в члены. Ответы на вопросы идеологического и практического характера.

Начало лекций и собеседований — в 20 час. 15 мин.

Вход на лекции — свободный. На покрытие расходов — 5 фр. Безработные и учащиеся — 3 фр. На собеседования вход — бесплатный.

КНИЖНЫЙ КИОСК

С 1-го февраля киоск будет открыт ежедневно, с 3 час. дня до 6 час. вечера.

Были, конечно, отдельные случаи, когда ярко выражался классовый характер белой борьбы. Происходили дикие расправы в соседних с разоренными дворянскими гнездами деревнях. Однако, это было не самое характерное в белом движении.

И теперь, когда для борьбы с советской властью отныне все предрасположены патриотического характера, что же осталось от «белой мечты»? Не лучше ли забыть обо всем этом, как о неприятном сне или тифозном кошмаре?

Но, оказывается, годовщины еще вспоминают. Без банков, за чайным столом, но не без политических высказываний. Например, по поводу одной белой годовщины пущена по Парижу та анонимная листовка, о которой была замечена в прошлом номере нашей газеты.

В задачи настоящей статьи не входит полемика с авторами этого документа, выпущенного в те самые дни, когда советская армия истекает кровью. Хотя попутно можно было бы спросить: а разве не в Советской России уничтожена власть капитала? Разве не подразумевают другие государства этиатическую советскому хозяйству?

Можно было бы еще кое-что привести к этому. Но с людьми, которые желают, как и мы, победы родине, не хочется говорить в запальчивости и разражении.

Но, оказывается, годовщины еще вспоминают. Без банков, за чайным столом, но не без политических высказываний. Например, по поводу одной белой годовщины пущена по Парижу та анонимная листовка, о которой была замечена в прошлом номере нашей газеты.

В задачи настоящей статьи не входит полемика с авторами этого документа, выпущенного в те самые дни, когда советская армия истекает кровью. Хотя попутно можно было бы спросить: а разве не в Советской России уничтожена власть капитала? Разве не подразумевают другие государства этиатическую советскому хозяйству?

Можно было бы еще кое-что привести к этому. Но с людьми, которые желают, как и мы, победы родине, не хочется говорить в запальчивости и разражении.

Но, оказывается, годовщины еще вспоминают. Без банков, за чайным столом, но не без политических высказываний. Например, по поводу одной белой годовщины пущена по Парижу та анонимная листовка, о которой была замечена в прошлом номере нашей газеты.

В задачи настоящей статьи не входит полемика с авторами этого документа, выпущенного в те самые дни, когда советская армия истекает кровью. Хотя попутно можно было бы спросить: а разве не в Советской России уничтожена власть капитала? Разве не подразумевают другие государства этиатическую советскому хозяйству?

Можно было бы еще кое-что привести к этому. Но с людьми, которые желают, как и мы, победы родине, не хочется говорить в запальчивости и разражении.

Но, оказывается, годовщины еще вспоминают. Без банков, за чайным столом, но не без политических высказываний. Например, по поводу одной белой годовщины пущена по Парижу та анонимная листовка, о которой была замечена в прошлом номере нашей газеты.

В задачи настоящей статьи не входит полемика с авторами этого документа, выпущенного в те самые дни, когда советская армия истекает кровью. Хотя попутно можно было бы спросить: а разве не в Советской России уничтожена власть капитала? Разве не подразумевают другие государства этиатическую советскому хозяйству?

Можно было бы еще кое-что привести к этому. Но с людьми, которые желают, как и мы, победы родине, не хочется говорить в запальчивости и разражении.

Но, оказывается, годовщины еще вспоминают. Без банков, за чайным столом, но не без политических высказываний. Например, по поводу одной белой годовщины пущена по Парижу та анонимная листовка, о которой была замечена в прошлом номере нашей газеты.

В задачи настоящей статьи не входит полемика с авторами этого документа, выпущенного в те самые дни, когда советская армия истекает кровью. Хотя попутно можно было бы спросить: а разве не в Советской России уничтожена власть капитала? Разве не подразумевают другие государства этиатическую советскому хозяйству?

Можно было бы еще кое-что привести к этому. Но с людьми, которые желают, как и мы, победы родине, не хочется говорить в запальчивости и разражении.

Но, оказывается, годовщины еще вспоминают. Без банков, за чайным столом, но не без политических высказываний. Например, по поводу одной белой годовщины пущена по Парижу та анонимная листовка, о которой была замечена в прошлом номере нашей газеты.